

— Прямо сейчас! — Дзынь!

Бокал в руке Линь Синъяо выскользнул и вдребезги разбился об пол. Гул оживленного банкета мгновенно стих. Гости один за другим оборачивались на шум, и юноше стоило огромных усилий выдавить из себя бледную, вымученную улыбку.

— Прошу прощения, — выдавил он.

Заметив его перекошенное лицо, присутствующие понимающе отвели глаза. Те, кто был посвежее в сплетнях, переводили красноречивые взгляды с него на Линь И — выводы напрашивались сами собой.

Линь И, едва войдя в зал, проявил полное равнодушие к баснословно дорогим вещам из коллекции семьи Сюй. Его холодную отстраненность невозможно было сыграть; казалось, единственное, что по-настоящему привлекло его внимание — это изысканные пирожные, приготовленные по особому заказу иностранным кондитером.

Эта манера держать себя — легкая, непринужденная, почти небрежная — была той самой неуловимой чертой аристократизма, которой многие безуспешно пытались подражать годами. Она в корне противоречила слухам о «неотесанном деревенщине», которые так усердно распускала семья Линь. А раз слухи оказались ложью, то и слова Линь Синъяо теперь вызвали серьезные сомнения.

Хо Чэн вошел в зал чуть позже, задержавшись лишь на полшага. Он подозвал официанта, шепнул ему несколько слов, и тот, почтительно кивнув, вскоре вынес из кухни отдельную тарелку с десертом, поставив её прямо перед Линь И.

— Хо Чэн просил передать это вам, — с сияющей улыбкой произнес официант. — Секретный рецепт нашего шеф-повара, было приготовлено всего несколько порций.

Глаза Линь И радостно блеснули, и он с готовностью принял угощение. Соседи по столу слышали каждое слово.

— Раз Хо Чэн так выделяет Линь И, значит, вся семья Линь теперь взлетит до небес?

— Но ведь племянник президента Хо только что стоял рядом со старшим сыном Линей. Я-то думал, благоволят именно ему...

Линь Синъяо чувствовал, что его маска благопристойности вот-вот даст трещину. Он сжимал в руках новый бокал, а улыбка на его лице окончательно застыла, превратившись в безжизненную гримасу. Он прибыл сюда заранее, неустанно заводил знакомства и пытался

произвести на всех наилучшее впечатление вовсе не для того, чтобы опоздавший бастард так бесцеремонно ударил его по лицу.

«Хо Чэн должен был заметить именно меня, Линь Синъяо!»

Почуввав на себе косые, полные двусмысленности взгляды, юноша до боли стиснул стекло и решительно направился к Хо Минсюаню.

— Минсюань, — негромко позвал он. — Пришел твой дядя. Пойдешь поздороваться?

Хо Минсюань на мгновение замялся. Слухи о том, что дядя его осадил, уже разлетелись по свету, и положение молодого человека в обществе пошатнулось. Если он не сможет доказать свою значимость на этом приеме, то...

От мыслей о последствиях его лицо помрачнело. Раньше он искренне восхищался главой семьи Хо, но за те несколько дней, что его сослали в филиал, он осознал горькую истину: для Хо Чэна он — лишь мелкая, ничего не значащая игрушка. Стоит мужчине потерять настроение, и он без колебаний отбросит его в сторону.

Это чувство потери контроля пугало его. Хо Минсюань невольно вспомнил о своем третьем дяде, который недавно выходил с ним на связь.

— Нет, — отрезал Хо Минсюань. — Дядя всё еще в гневе, я не стану ему докучать.

Линь Синъяо, не получив желаемого ответа, закусил губу. Лишь вспомнив о своих заготовленных планах, он смог немного успокоиться.

«Ничего. Пусть Линь И своими глазами увидит, как Хо Чэн расправляется с бастардами. Тогда он навсегда исчезнет с моей дороги»

Стоящие у стола двое выглядели со стороны близкими друзьями, но в мыслях каждого зрели свои, далекие от бескорыстия цели.

***

Тем временем 010, устроившись на небольшом открытом балконе, всюду уплетал свою гору пирожных. Получив сообщение от Хо Чэна, он нехотя поднялся и медленно побрел на второй этаж.

По пути в его сознании внезапно взвыл сигнал тревоги.

[Внимание: зафиксировано критическое отклонение от мировой линии. Поведение главных героев — Хо Минсюаня и Линь Синъяо — претерпело радикальные изменения]

010 вздрогнул, и недоеденное пирожное с тихим шлепком упало на пол.

«Что случилось?»

[Хо Минсюань собирается окончательно разорвать отношения с Хо Чэном. Мировая линия совершила прыжок прямиком к финалу] — отозвалась 999.

010 был ошарашен. Как такое возможно? Хо Чэн ведь главная опора героев, их счастливый билет.

999 со сложным выражением взглянула на причину всех бед:

[...Ты разве не заметил? Влияние Хо Чэна стало слишком велико, он превратился в фигуру, от которой критически зависит развитие главных героев]

«Ну разумеется, — растерянно ответил 010. — А иначе зачем он нужен?»

999, чувствуя подступающую головную боль, принялась объяснять:

[Согласно финальной версии мировой линии, Хо Минсюань и Линь Синъяо поймут, что Хо Чэн и есть их самый опасный противник. В итоге они объединят силы, чтобы уничтожить его]

«Но разве Хо Чэн не на их стороне?» — неуверенно спросил 010.

[Быть на одной стороне не значит идти в одном направлении. Хо Чэн неоднократно отвергал идеи развития, предложенные Хо Минсюанем. Их взгляды разошлись. К тому же, в будущем семьи Линь и Хо под началом Хо Минсюаня процветали — это доказывает, что он был прав]

«Может, под управлением Хо Чэна они процветали бы еще больше, — пробурчал 010. — Нельзя утверждать, что Минсюань прав во всём»

Затем он тихо спросил:

«А что же будет с Хо Чэном?»

[Хо Чэн проиграет в этой борьбе и будет вынужден оставить свой пост]

«Оставить пост?..»

Линь И замер, ошеломленный этими словами. В его понимании Хо Чэн был самым могущественным существом, идеальной поддержкой. Он был настолько силен, что мысль о его падении казалась невозможной.

В его сердце шевельнулась робкая тревога, и он решился спросить:

«А после этого... каков финал Хо Чэна?»

[Главные герои не стали делать ничего жестокого. Они просто поместили его в санаторий]

«Но Хо Чэну ведь всего тридцать с небольшим...»

010 охватило странное, гнетущее чувство — этот мир начинал ему не нравиться. Лицемерный отец Линь до сих пор не поплатился за свои грехи, в то время как Хо Чэн — такой добрый и заботливый — закончит свои дни в запертых стенах санатория.

«В тридцать лет... на покой в санаторий»

«Быть злодеем так грустно, — тоскливо подумал 010. — Роль главного героя казалась куда завиднее»

[Выше нос! — отозвалась 999. — А ты как думал? Мировая линия так легко не меняется. Отношение Хо Чэна к тебе изменилось именно потому, что в этой истории он — финальный антагонист, величайший злодей]

Обиженный 010 решил выместить досаду на собеседнике.

«Почему ты не сказала мне об этом раньше?!»

[Если бы не эти непредвиденные обстоятельства, я бы знала мировую линию только до момента смерти твоего персонажа]

010 замолчал. Он опустился на корточки и принялся собирать остатки десерта. Крем размазался по полу, пальцы стали липкими, и как бы он ни старался вытереть их салфеткой, ощущение грязи не проходило.

Юноша сидел, низко опустив голову, не проронив ни слова. Глядя на то, как краснеют кончики его ушей, 999 не на шутку заволновалась. 010 — это система, и системы не должны так остро реагировать на происходящее.

[Да чего ты боишься? Если не хочешь такого финала — приглядывай за Хо Чэном. Ты же мастерски умеешь выпрашивать у него поблажки]

«Но я ведь бастард, — едва слышно прошептал 010. — А Хо Чэн ненавидит бастардов»

999 промолчала.

Линь И продолжал молча возиться на полу. Он забился в дальний угол коридора, куда вела неприметная боковая лестница — он нашел её, когда пытался подняться на второй этаж в обход основного зала.

Слуг поблизости не было, и, к счастью, здесь не лежали дорогие ковры, иначе оттереть крем было бы невозможно. Услышав шум в одной из соседних комнат, 010, всхлипывая, отполз на пару шагов в сторону, опасаясь, что кто-то выйдет и заденет его дверью.

«Ударяться дверью очень больно...»

«И когда меня выгонят из дома Хо, тоже будет больно. Наверное, тогда Хо Чэна тоже выгонят... у-у-у»

Он с тоской размышлял, позволит ли Хо Чэн забрать его с собой в тот санаторий.

Внезапно за спиной раздались шаги, но у юноши не было никакого желания поднимать голову. Шаги замерли прямо за ним, и высокая тень накрыла его. В следующую секунду кто-то присел рядом и осторожно перехватил его руку, не давая больше тереть пол.

Линь И поднял взгляд и увидел Хо Чэна. Мужчина хмурился, и в его глазах читалась неприкрытая тревога.

— Что случилось? Кто тебя обидел?

010 несколько секунд смотрел на него широко распахнутыми глазами, а затем слезы, что всё это время дрожали на ресницах, крупными каплями сорвались вниз.

Хо Чэн в одно мгновение весь подобрался, словно натянутая струна. После того как он отправил сообщение, прошло уже больше десяти минут — этого времени хватило бы, чтобы подняться и спуститься по лестнице раз двадцать, но Линь И всё не было. Мужчина обыскал весь этаж и, поняв, что юноша мог забрести в дальнейшее крыло к гостевым комнатам, сам отправился на поиски.

И вот, едва поднявшись, он увидел этот «одинокий гриб», забившийся в угол в самом конце коридора. На лице юноши застыло редкое для него отсутствие эмоций, и лишь покрасневшие

глаза выдавали его состояние, заставляя сердце мужчины болезненно сжиматься от жалости.

Хо Чэн осторожно коснулся его лица, стирая слезы. Его голос звучал непривычно мягко, словно он баюкал ребенка:

— Ну же, не плачь.

Лицо его оставалось нежным, но аура вокруг стала тяжелой, почти осязаемо холодной. Он не знал, какую чудовищную обиду нанесли этому ребенку, что тот плакал навзрыд, не считая слез.

«Кто-то из тех, кто в зале? Или он заблудился и наткнулся на грубиянов?»

От этих мыслей взгляд Хо Чэна становился всё мрачнее. 010, почувствовав эту суровость, принял её на свой счет. Он продолжал горько плакать и изо всех сил уперся ладонями в грудь мужчины, пытаясь оттолкнуть его.

— Ты... ты опять злишься на меня, — всхлипнул он.

Хо Чэн тут же отозвался:

— Вовсе нет. Ну, всё, не плачь.

Он наклонился и платком тщательно вытер каждый его палец. Когда слезы наконец иссякли, 010 капризно прошептал:

— Всё равно липко.

— Сейчас найдем, где помыть руки, — тихо ответил Хо Чэн. — И стоило из-за такой ерунды плакать? Какой же ты изнеженный.

— Совсем не из-за этого!

Хо Чэн повел его к выходу, и длинный коридор казался бесконечным. 010 украдкой вцепился в воротник пиджака мужчины и, придвинувшись ближе, прошептал ему на ухо:

— Когда ты поедешь в санаторий... обязательно возьми меня с собой.

Хо Чэн на мгновение опешил. Он взглянул на юношу сверху вниз и, поддавшись какому-то неясному порыву, тихо ответил:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/15362/1417431>